

ТЕНИ ЗА ВОРОАМИ НЕБА.

ИРИНА ВАСИЛЪЕВА



Ирина Васильева

Тени за воротами неба.

«Автор»

2026

Васильева И.

Тени за воротами неба. / И. Васильева — «Автор», 2026

Когда мир начинает распадаться на части, а время рвётся по швам, судьба выбирает не героя, а Странника. Ларен — человек без прошлого, ведомый лишь снами о зеркалах и шёпотом ветра, — находит под древним Дубом Сострадательных Мраков камень со странным знаком. Этот артефакт становится ключом к Башне Полнолуния — колоссальному механизму, удерживающему реальность от хаоса. Путь Ларена — это путешествие по тропам тишины и пепла. Ему предстоит пройти через Лабиринт Памяти, где он вернёт себе утраченную человечность, сразиться с идеальными убийцами из «Точности теней» и бросить вызов Гробовщику Миров — воплощению абсолютного забвения. На этом пути он потеряет голос, память и даже собственную тень, чтобы стать идеальным Хранителем Баланса. Но спасая мир от распада, Ларен едва не превращает его в стерильную тюрьму идеального порядка. Осознав свою ошибку, он должен совершить невозможное: не просто восстановить равновесие, а переписать саму суть мироздания.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение тишины.	5
Глава 2. Пепельный контракт.	8
Глава 3. Тень на воде.	10
Глава 4. Башня Полнолуния: Сердце Тишины.	12
Глава 5. Голос из камня.	14
Глава 6. Путь к зеркалам ночи.	19
Глава 7. Хранители врат.	23
Глава 8. Песнь резонанса.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Васильева

Тени за воротами неба.

Глава 1. Пробуждение тишины.

Солнце едва касалось верхушек деревьев, когда очередной вечер опустился над деревней Какалова, словно плотная ткань, дриадной рукой сшитая из пепла и света. В домах зашевелились занавеси, но не от ветра — от необычной, почти неподвижной ошеломляющей тишины, которую жители начинали привыкать за последнее полнолуние. В этот вечер тишина стала тяжелой и конкретной, как невидимая ткань, прилипавшая к коже.

Ларен шелестел по пыльной тропе за огородами, где сухие стебли чеснока и лука шептали на ветру не свои языки. Ему было за тридцать шагов до края деревни, где пелена тумана будто прятала небо. Он не спешил, потому что не спешит тот, кто ищет нечто, что должно найти его.

Ты видишь? — прошептал он самому себе, хотя вокруг никого не было, кроме ветра и тревожной тишины.

Его дыхание было ровным, как молодой дуб, хотя сердце стучало в груди быстрее, чем можно было бы ожидать от странника, привыкшего к долгим переходам. Ларен нес в кармане сверток из грубой льняной ткани — там был небольшой камешек, найденный им под старым дубом, там же на ветке нацарапан символ, похожий на сплетенную из линий звезду и подкову. Камешек, как и символ, не казался обычным камнем: он светился сквозь пальцы, отдавая слабым, холодным светом, когда солнце уходило за горизонт.

Дерево, под которым он остановился, было не обычное. Старый дуб, который жители называли Дубом Сострадательных Мраков, — так его называли в полях, где молодые люди спорили, что он хранит память умерших. Его кора была толстой и шероховатой, как грубая кожа старца, но в глубине прожигались странные узоры, которые, казалось, светились слегка, когда Ларен смотрел на них в нужный угол зрения. Именно на одной из ветвей он заметил знак: две параллельные линии, соединенные перекрещенной дугой, и внутри — крошечная точка, словно глаз. Это было то самое начертание, что он видел во сне прошлой ночью, когда зеркало не отражало его лицо, а показывало пустой горизонт.

Зеркало. Его снова снилось зеркало.

Сновидение пришло в ночь спустя за тем, как деревня просыпалась без привычной мелодии. В те дни шепоты через двери домов не давали спать. Кто-то говорил, что в зеркале живет другой мир, который иногда тянет людей в свои глубины. Но обычно зеркала оставались спокойными, как озера в полдень; их призраки не выходили за пределы стекла. Ларен же знал: его сновидение не было случайным.

Сон был коротким и длинным, как ночь после дождя. Там стоял лес, но он не был обычным лесом: деревья тянули ветви вверх, как руки ожидания, а воздух был тяжёлым, наполненным светом, который не освещал, а давал смысл. В центре стоял древний зеркало-невидимка, рамка которого была сделана не из дерева, а из тьмы, и в его глубине отражалась пустота, а не человек. В этой пустоте возникал глаз — не человеческий, не животный, а что-то между ними — холодное и ясное. Глаз говорил, не произнося слов, и Ларен будто начинал слышать не уши, а мысли, как будто зеркало могло принять забору его сознания.

Из зеркала вышел голос, тихий и неразборчивый, но сильный, как звук колокола, отзывающийся в сердце.

Не бойся, странник. Ты не пришел сюда случайно. Тебя выбрали.

Ларен шагнул ближе к стеклу, и стекло будто дышало, выгибаясь под его дыханием. В его глазах мелькнула искра, похожая на искру огня, но не огонь, а нечто менее материальное

— знание, которое ещё не существовало в мире обычного. Он хотел спросить: «Кто выбрал?» Но у него не было голоса; только мысль. Зеркало ответило не через уста, а через ощущение.

Ты ищешь ответы, но знаешь ли ты цену вопросов? — зналось не словами, а ощущением силы, что подталкивала Ларена к принятию тайны.

Глухой звон того момента ушел в глубину, и Ларен почувствовал, как волна холода, как ледяной поток, пронзила ладони, пряча тепло в районе плеч. В этот миг он понял: он не обычный путник — его дороги переплетены с чем-то древним и могущественным, что не поддается обыденному времени.

Ему было важно уйти отсюда — от Дуба и зеркала. Но прежде чем он успел сделать шаг, мир вокруг словно взорвался молнией из света, и ночь стала длиннее. Звезды над холмами за древней шептали странные слова, которых Ларен не слышал раньше. Они падали, словно стальная роса, и каждое слово отделяло его от обычного мира на одну step.

Вернувшись к пробуждению, он обнаружил, что вокруг пахнет гнилью и пахнет дождём. В воздухе витала знакомая примесь — запах древесной смолы, земли и ветра с холодной сталью, которую обычно чувствовали, когда дороги закрывались туманом. Нечто перестраивало себя в нем, как шелковая нить, разворачиваясь в узор. Он почувствовал, как к нему возвращается сила вокруг — необычное чувство, будто мир сжался и стал тесным для него.

Ларен, — прошептал он, пробуя имя на языке, которого раньше не знал. Это имя как будто возникло в его собственной памяти, как древний пароль к двери, о которой он даже не подозревал.

Внезапно к нему подошла фигура, появившаяся словно из стусившегося тумана. Она была без лица, или, точнее, с лицом, но не похожим на человеческое — наполовину тень, наполовину свет. Это была Нефель — таинственная спутница, о которой он знал по притяжению к башне, о которой говорил в легендах, но видел ее впервые в жизни. Нефель двигалась плавно, будто держала в руках невидимые нити. Её глаза, если они вообще были глазами, светились не светом, а холодной далью.

Ты нашел знак, — сказала она, не произнося слов вслух, а словно гладко пронизала воздух прямым лучом смысла. — Это не случайность. Ты идешь по тропе, которую уже видели наши предшественники. Тебя зовут на путь, который никогда не заканчивался безопасностью.

Ларен ощутил, как дрожь подступила к позвоночнику. Он был усталым путником, который привык к сомнениям и открытым дорогам, но не к темной силе, что мерцала вокруг него, словно ночной огонь. Он хотел спросить, что это за путь и кто такой он, но Нефель снова ответила не словом, а ощущением:

Мир, который ты знаешь, скоро начнет распадаться на части. Узлы времени, замки памяти и зеркала — они все соединены. Ты — тот, кто может увидеть трещины и закрыть их.

Она подошла ближе, и от её присутствия Ларен почувствовал холодок в кончиках пальцев. Но рядом с холодом была и странная теплота — тепло знания, которое не тёплится от солнца, а от чего-то древнего, живого, как роса на траве.

На мгновение в их взглядах произошел обмен: Нефель посмотрела на него как на того, кто несет в себе нить, ведущую к распахнутой двери, и она словно говорила ему: "Не бойся, ты не один." Затем она наклонилась и шепнула в его ухо неслыханную вещь, которая, казалось, вернулась с ним из сна.

В твоём кармане лежит больше, чем кажется. Тот символ, что на ветке дуба, — не просто украшение. Это ключ к башне, которая появляется лишь во время полнолуния. Ты должен понять, что этот ключ не для двери, а для времени.

Слова эхом прошли по его телу, и Ларен вдруг ощутил, как внутри него рождается тихое пламя — не огонь, а искра понимания. Он знал, что намерения его, возможно, приведут к непредсказуемым последствиям, но сейчас он не мог позволить себе отступить. Нельзя уйти от того, что призвано быть найденным.

Что мне делать? — спросил он, наконец, не ожидая ответа, потому что понимал, что любое объяснение должно будет быть найдено в пути, а не в словах.

Ты должен идти к башне, — сказала Нефель голосом, который не был голосом, а скорее аккордом в тишине. — Но прежде чем она откроется для тебя, тебе нужно узнать цену. Цена — это твой голос, твоя память и твой выбор. Ты должен быть готов к тому, чтобы отказаться от того, что держит тебя сейчас на плаву.

Ларен медленно кивнул. В его груди тяжело стучало сердце, но он понимал: без этого пути мир может исчезнуть, как песок в пустынной буре. Он не знал точно, какие испытания ждут впереди, но внутренний голос говорил ему, что ключ у него в руках и путь открыт.

Где башня? — спросил он.

Жди полнолуния, и она сама найдется, — ответила Нефель, затем исчезла, как будто её никто и не видел, оставив после себя только холодный шепот ветра.

Остался один среди звона тишины, с символом на ветке и камешком в ладони. Камешек начал светиться слабым, ровным светом, словно подтверждая, что встреча с Нефель и зеркало не были просто сновидением или выдумкой странника. Это было начало некой новой реальности, в которую Ларен должен войти — мир, где тишина не пустота, а живая энергия, которая ждёт своего часа.

Дерево продолжало стоять там, как старый хранитель времени, а знак на ветке дрожал под лёгким ветром, будто подмигивая страннику. Ларен повернул спиной к дубу и сделал первый шаг вперёд по тропе, где каждый шорох подсказывал направление ветра и где каждый шаг приближал его к башне, появлявшейся только во время полнолуния. Его путь был начат. Пробуждение тишины началось не с мира вокруг, а внутри него самого: когда молчание стало не simply отсутствием звука, а силой, с которой нужно считаться.

Глава 2. Пепельный контракт.

Ларен вышел за пределы деревни на рассвете после дня, который казался ему долгим сновидением: каждый шорох казался ему знаком того, что он уже где-то видел во сне, каждая тень — как напоминание о словах Нефель. Утренний воздух пахнул сначала влажной землей, затем — пеплом, будто кто-то прошёл по полям и оставил за собой тонкую, едкую пелену. Он шёл к месту, которое знал только по памяти — к границе государств между деревнями, к разорённой ниве, где песок держал следы чужих шагов. Там, на краю дороги, стояла старая избушка, которую местные считали проклятой и покинутой, но сегодня она служила ему пристанищем и источником возможной правды.

Избушка выглядела как ловушка времени: окна запотевшие, дверь с глубокими царапинами от зубцов скрипела на ветру, а внутри пахло пылью и забытыми вещами. Ларен вошёл медленно, словно не хотел будить того, что там пряталось. Сени были занесены пылью и паутиной, но на столе, который не видал света много лет, лежал предмет, который уже стал символом его нового пути — шар из пепла и глины, обвитый тонкими серебряными нитями. Он знал, что это не простая вещь: на поверхности шарика, как на глазке, мелко мерцал оградённый рисунок — та же крошечная точка внутри дуги, которую он видел на дубе. Он протянул руку, и шар слегка зашевелился, словно задышал, принимая его тепло и дыхание.

В этот момент дверь избушки распахнулась, и в помещении появился человек или, скорее, существо, которое можно было назвать тeneвым телом, — не совсем одушевлённое и не совсем бездушное. Это была женщина среднего роста, с кожей цвета пепла и волосами, как уголь, собранными в тугий узел. Её глаза — безмолвные огни в темноте — смотрели прямо на Ларена. — Ты нашёл ключ, — сказала она голосом, который звучал не столько словами, сколько ощущением. — Но знаешь ли ты цену того, что он открывает?

Ларен пожал плечами, хотя внутри трепетала тревога. Он знал, что каждый шаг его пути сопровождается выбором, но цена, которую Нефель предсказывала, казалась ему слишком темной и слишком тяжёлой для обычного человека. Тем не менее он знал иное: без понимания цены любой путь становится пустым.

— Я пришёл за ответами, — ответил он, пытаясь сохранить твёрдость в голосе. — Если будет нужно заплатить цену, заплачу. Что за контракт?

Женщина приблизилась и села наеёг на стул, который скрипел под её весом. Она вынула из складок ткани маленькое клеймо, сделанное из какого-то мягкого металла, и положила его на ладонь Ларена. Это был талисман непонятого происхождения: на нём выгравированы те же узоры, что и на камешке и на ветке дуба — две параллельные линии, соединённые дугой, внутри — точка. Но теперь рисунок был окружён тонким орнаментом, который пульсировал слабым светом, когда Ларен дотрагивался до него.

— Это Пепел Контракта, — произнесла незнакомка. — Он неразрывно связан с твоей дверью. Тот, кто держит контракт, держит и ключ к башне, которая появляется во время полнолуния. Но помни: контракт не даётся за просто так. Цена — это твоя память, твой голос и твой выбор.

Ларен ощутил, как его грудь сжимают холодные пальцы страха и трепета. В его памяти всплыли образы из сновидений: зеркало, глаз в глубине пустоты, голос из стекла, и он понял, что всё это не случайно, а связано с будущей темницей, которую он должен пройти.

— Я не хочу лишиться своего прошлого, — тихо сказал он. — Но если это путь к башне — я пройду его.

— Справедливо, — кивнула женщина. — Но задумайся: башня не пустая поверхностная структура. Она отражает время и судьбы, и каждый шаг к ней изменяет не только тебя, но и

мир вокруг. Тебе придётся выбрать между тем, чтобы хранить память как нечто личное, и тем, чтобы отдать её ради большего блага.

Она встала и кивнула к дверям избушки, как к какому-то алтарю. За окном надвигался дымок, который поднимался из горизонта, будто небо начинало пепельную туманность. Это был первый знак того, что контракт начинает действовать уже сейчас — не в будущем, а в настоящем. — Что произойдёт после подписания? — спросил Ларен, пытаясь сохранить спокойствие. — Что именно я отдаю?

— Твой голос — как музыка, которую мир никогда не слышал и не услышит снова, если ты откажешься. Он будет посвящён тому, чтобы убедиться, что башня останется открытой только для достойных. Твоя память — память о себе, о твоём прошлом, об Razors Edge — будет храниться у тебя в ограниченном количестве, и каждый раз, когда ты будешь вспоминать, часть твоей души будет распределяться между теми, кто будет нуждаться в твоей силе. И твой выбор — не просто уйти или остаться: ты обязан держать равновесие между двумя мирами, чтобы не разрушить целостность времени. Ларен почувствовал, как слова, как холодная вода, обдают его обнажённую душу. Он осознал, что подписание контракта принесёт больше, чем он ожидал, но именно это и подталкивало его к осмыслению своего пути.

— И всё же, какова цена, если я откажусь от этого? — спросил он, пытаясь вернуть себе хоть какую-то уверенность.

— Тогда башня останется недоступной и начнётся цепь последних событий — мир будет уходить в хаос, потому что узлы времени начнут расходиться. Ты увидишь тьму, которую никогда не сможешь вернуть в своё прежнее состояние, и твоё имя исчезнет из памяти людей, которых ты хотел бы защитить. Слова ударили Ларена, как холодный удар молнии, но в них был и намёк на надежду: руки неслись к клейму, глаза встретились с пепельной искрой на металле, и он понял: решение должно быть принято здесь и сейчас.

— Я подписываю, — сказал он, и голос его стал твердым, как сталь. Он взял клеймо и прижал его к ладони, ощущая, как горячая волна пепла расплзается по коже, словно гаснущий огонь, который вновь просыпается. На мгновение мир вокруг застыл: воздух стал плотнее, трещины на старых стеклах избушки исчезли, и в глубине, в том же далёком пространстве, где Ларен видел глаза в зеркале, появился неясный свет — знак, который означал, что контракт принят и работа началась. — Запечатано, — прошептал Ларен, ощущая, как внутри него открывается новый проход времени. — Что дальше?

— Теперь ты должен идти к башне, — ответила женщина. — Она появится во время полнолуния. Но помни: каждая твоя мысль после подписания будет как пламя, которое может осветить дорогу или поджечь её. Ты станешь хранителем части времени, и твой голос станет для мира не только твоим голосом, но и сигнатурой того, что можно и нельзя произнести.

Она шагнула к двери, и свет, который казался ей внутренним источником тепла, мигнул и исчез. Ларен остался один в полутьме, с клеймом на ладони и ощущением, что он стоит на краю пропасти времени, за которой лежит башня, сулящая ответы и цену за их получение.

Утро за окном превращалось в день, а день — в длинную дорожку к полуночи, когда Башня Полнолуния откроет свои врата. Ларен знал: контракт начался, и каждое его движение теперь будет под контролем того, кто держит пепел и тень. Он вышел из избушки и ступил на путь, к которому он шёл с самого начала — путь, ведущий к башне, чьи двери обнажаются лишь тогда, когда луна становится полной, и чьи стены шепчут застывшими словами сумрачных времен.

Глава 3. Тень на воде.

Путь к башне не был отмечен на картах, и всё же Ларен шёл по нему так, словно невидимая нить, вплетённая в его новую кожу клеймом Пепельного Контракта, тянула его вперёд. С каждым шагом ощущение тяжести в груди росло. Это была не физическая усталость, а странная, звенящая пустота, словно из его памяти уже начали вырывать страницы, оставляя лишь обрывки снов.

Он вышел к реке. Воды здесь текли неестественно медленно, словно густая смола, и поверхность их была идеально гладкой, как полированное чёрное стекло. В этом зеркале не отражались ни небо, ни деревья — лишь густая, непроглядная тьма. Ларен остановился на берегу. Он чувствовал: это не просто преграда, это граница.

Из глубины реки, не нарушая покоя её поверхности, медленно поднялась тень. Она не имела чётких очертаний, но в ней угадывалась высокая фигура в плаще. У неё не было лица — лишь провал абсолютной черноты.

— Хранитель Порога, — прошелестел голос прямо в его голове, сухой и безжизненный, как шелест опавших листьев. — Ты принёс клеймо. Ты отдал свой голос. Но готов ли ты отдать свою тень?

Ларен сжал кулак, чувствуя под кожей пульсирующую метку. Он вспомнил слова женщины в избушке: «Твой выбор». Он думал, что выбор уже сделан. Но теперь понимал, что это было лишь вступление.

— Что значит отдать тень? — спросил он вслух, и его собственный голос показался ему чужим, глухим и пустым.

— Тень — это то, что ты прячешь от других и от себя самого. Это твои страхи, твоя ложь, твоя слабость. Башня не примет того, кто несёт в себе тьму, которую боится признать. Она сожжёт тебя изнутри. Ты должен войти в воду и позволить ей забрать то, что ты прячешь в глубине своего сердца.

Существо протянуло руку — или то, что её заменяло — и указало на гладь реки.

Ларен посмотрел на свои сапоги, на пыльную дорогу позади и на своё отражение в воде. Там, где должно было быть его лицо, клубился серый туман. Он сделал глубокий вдох и шагнул вперёд.

Вода не была холодной. Она была тёплой и вязкой, обволакивая его ноги до колен, затем до пояса. Он вошёл по грудь. С каждым шагом тяжесть в груди становилась невыносимой. Перед глазами замелькали образы: забытые лица родителей, которых он не мог вспомнить по имени; чувство вины за брошенную когда-то любовь; страх перед неизвестностью будущего.

— Отпусти их, — приказал голос Хранителя.

Ларен закрыл глаза. Он представил себе эти воспоминания как тяжёлые камни в заплечном мешке. Он разжал пальцы. Один за другим образы тускнели, растворяясь в черноте воды. Боль утраты пронзила его насквозь, но он не сопротивлялся. Он позволил реке забрать свою боль и свой стыд.

Когда вода достигла его подбородка, он почувствовал невероятную лёгкость. Пустота внутри больше не пугала — она стала свободой. Он открыл глаза и увидел, как из его тела отделяется серая, бесформенная тень. Она зависла над поверхностью воды на мгновение, а затем беззвучно погрузилась в глубину.

Река забурлила. Течение ускорилось, превращаясь из смолы в стремительный поток. Поверхность воды очистилась, и Ларен наконец увидел своё отражение. На него смотрел мужчина с суровым лицом и глазами, в которых плескалась древняя мудрость и пустота космоса.

Хранитель исчез.

Ларен выбрался на противоположный берег. Его одежда была сухой, а на душе царил абсолютный покой. Он поднял голову. Небо на востоке уже начало темнеть, но это была не ночная мгла — это был густой, бархатный цвет предзакатного времени. И там, над самым горизонтом, прямо из воздуха начала материализоваться она.

Башня Полнолуния.

Она не стояла на земле — она росла из неё вверх, пронзая облака. Её стены были сложены не из камня или кирпича, а из застывшего лунного света и переплетённых теней прошлого. Она казалась одновременно материальной и иллюзорной; стоило моргнуть, как её очертания слегка менялись.

У подножия башни стояла Нефель. Её силуэт был чётким на фоне этого величественного сооружения.

— Ты прошёл очищение, — сказала она, когда он приблизился. Её голос теперь звучал иначе — глубже и мелодичнее. — Река забрала твою тень. Теперь ты чист для восхождения. Но помни о цене: у тебя больше нет голоса для песен о прошлом и нет якоря памяти о том, кем ты был до этого дня.

Она протянула руку к стене башни, и часть её исчезла, открывая узкий проход внутрь.

— Башня ждёт тебя внутри себя самой. Там нет лестниц в привычном понимании. Каждый твой шаг будет шагом сквозь время. Ты будешь видеть то, что было, то, что есть, и то, что может быть. Найди сердце башни и задай свой вопрос. Но будь осторожен: ответы здесь меняют спрашивающего сильнее любых вопросов.

Ларен кивнул. Он больше не чувствовал страха или сомнений. Он был инструментом судьбы.

Он шагнул во тьму проёма.

Внутри башни воздух пах озоном и старым пергаментом. Света не было, но Ларен видел всё с кристальной ясностью. Пространство вокруг него исказилось. Он стоял уже не у входа, а посреди бескрайней равнины под звёздным небом... которое было полом башни далеко внизу. А над головой простирался потолок из переплетённых корней мирового древа.

Он сделал шаг вперёд и почувствовал под ногой не землю, а гладкий камень винтовой лестницы, уходящей в бесконечность вверх... или вниз?

Путь начался заново.

Глава 4. Башня Полнолуния: Сердце Тишины.

Дверь из обсидиана закрылась за Лареном с глухим, утробным звуком, похожим на стук огромного сердца, погруженного в смолу. Он не оглянулся. Путь назад был стерт контрактом, смыт рекой забвения. Впереди же простиралось не пространство, а само отсутствие оногo. Зал, в котором он оказался, не имел ни стен, ни потолка, ни пола в привычном понимании. Это была бесконечная, звенящая пустота, сотканная из абсолютной тишины и густого, почти осязаемого сумрака.

Единственным источником света и звука был маятник.

Он висел в центре этой пустоты, не имея точки крепления. Гигантский кристалл, размером с крестьянскую избу, медленно раскачивался из стороны в сторону. Его грани были не прозрачными, а матово-белыми, словно вырезанными из застывшего лунного света. От него исходил низкий, вибрирующий гул, который Ларен чувствовал не ушами, а всем телом — от корней зубов до кончиков пальцев на ногах. Этот звук был фундаментом реальности в этом месте. Он был пульсом времени.

Ларен сделал шаг вперед. Под его ногой не было ничего твердого, но он не провалился. Поверхность под ним была похожа на идеально гладкое черное зеркало, отражающее лишь пустоту над головой. Он шел по этой бездне так же уверенно, как по утоптанной деревенской тропе.

С каждым шагом гул маятника менялся. В нем начали проступать обертоны — шепот тысяч голосов, обрывки забытых мелодий, эхо шагов людей, живших за сотни лет до его рождения и тех, кто еще не родился. Башня показывала ему свои воспоминания.

Внезапно пустота перед ним сгустилась, обретая форму. Прямо из воздуха соткалась фигура мужчины в богатых одеждах древнего короля. Он стоял спиной к Ларену и смотрел на маятник с выражением благоговейного ужаса и восторга.

— Я вижу их! — прошептал король, и его голос эхом разнесся по залу. — Я вижу все нити! Я могу их обрезать... Я могу переписать судьбу!

Фигура короля задрожала и рассыпалась на тысячи светящихся пылинок, которые тут же втянул в себя кристалл маятника.

Ларен моргнул. Картина сменилась. Теперь перед ним была женщина с глазами цвета грозового неба. Она плакала, протягивая руки к кристаллу.

— Верни его! — кричала она. — Верни мне моего сына! Я отдам всё... Я отдам свою жизнь!

Маятник вспыхнул ослепительным светом, и женщина исчезла, оставив после себя лишь запах озона и горечь утраты.

Ларен остановился в десяти шагах от гигантского кристалла. Воздух здесь был тяжелым, наэлектризованным. Клеймо на его ладони пульсировало в такт с ударами маятника, отзываясь острой, но не болезненной вибрацией. Он чувствовал его зов. Башня ждала вопроса.

— Что это? — спросил Ларен вслух, и его голос прозвучал жалко и тихо по сравнению с космическим гулом кристалла.

Ответ пришел не словами. Башня ответила действием.

Маятник замер на долю секунды в крайней точке своего размаха, а затем начал стремительно вращаться вокруг своей оси, превращаясь в сияющий диск чистого белого света. Гул перерос в оглушительный рев, а затем резко оборвался. Наступила абсолютная тишина — та самая тяжелая тишина из его сна в деревне Какалова.

Из центра вращающегося диска ударил луч света толщиной с человеческое тело. Он ударил прямо в грудь Ларена.

Боль была мгновенной и всепоглощающей, но она не обжигала плоть. Она выжигала саму суть его «я». Ларен почувствовал, как его сознание расширяется до размеров вселенной и одновременно сжимается до размеров песчинки. Он перестал быть просто человеком по имени Ларен.

Он увидел всё.

Он увидел Какалову не как деревню, а как узел на временной линии, точку пересечения сотен судеб. Он увидел Дуб Сострадательных Мраков — не просто дерево, а якорь реальности, удерживающий этот мир от распада. Он увидел Нефель — не женщину из тумана, а сущность вне времени, стражницу порога.

И он увидел Башню изнутри. Она была не строением. Она была механизмом. Маятник был её сердцем, а сам Ларен... он был её топливом или её предохранителем.

В этом калейдоскопе видений он увидел причину своего пробуждения. Узлы времени начали расходиться не из-за случайности. Где-то глубоко под корнями мира прорвало плотину хаоса. Зеркала перестали быть просто отражениями — они стали прорехами в ткани бытия. И если их не закрыть...

Видение схлопнулось так же резко, как и началось.

Ларен рухнул на колени на невидимый пол. Диск света замедлил вращение и снова превратился в медленно качающийся маятник. Тишина отступила, сменившись привычным низким гулом.

Но Ларен изменился.

Пустота внутри него заполнилась знанием — холодным, тяжелым и абсолютным. Он понял цену контракта до конца. Он отдал свой голос и память не просто так. Его собственная личность стала ключом к перезапуску механизма Башни. Он больше не был путником, ищущим ответы.

Он стал Ответом.

Он медленно поднялся на ноги и посмотрел на кристалл уже другим взглядом — взглядом того, кто видит суть вещей.

— Я знаю свою задачу, — прошептал он в пустоту.

Маятник качнулся в его сторону, словно соглашаясь или приветствуя нового хранителя. Внезапно от одной из граней кристалла отделился маленький осколок — идеально ровный, похожий на наконечник стрелы или клинок кинжала из застывшего света. Он плавно опустился на невидимую поверхность прямо перед Лареном.

Это было оружие или инструмент для того дела, что ждало его впереди.

Ларен наклонился и поднял осколок. Он был невесомым и теплым на ощупь. В его глубине клубилась та же первозданная тьма, что он видел в зеркале своего сна.

Башня дала ему то, что нужно для пути.

Когда он выпрямился, пространство вокруг него начало искажаться и сворачиваться спиралью. Зал Сердца Тишины исчезал, уступая место новому видению или новому испытанию. Маятник за его спиной продолжал свой вечный ход: тик-так... тик-так... отмеряя мгновения до того момента, как мир либо будет спасен, либо канет в небытие.

Ларен сжал в руке осколок кристалла и шагнул навстречу новой тьме, которая уже сгустилась перед ним плотным занавесом из пепла и звездного света. Его путь только начинался по-настоящему.

Глава 5. Голос из камня.

Тьма, поглотившая Башню, не была просто отсутствием света. Это была плотная, вязкая субстанция, похожая на чернила, разлитые в ледяной воде. Она сомкнулась вокруг Ларена, отсекая гул маятника и звенящую тишину Сердца Башни. На мгновение он почувствовал себя погребенным заживо, но это чувство тут же сменилось ощущением падения — долгого, медленного и абсолютно беззвучного. Он не знал, летит ли он вниз или вверх; понятия «верх» и «низ» потеряли всякий смысл в этом вневременном потоке.

Затем падение прекратилось так же внезапно, как и началось. Вязкая тьма рассеялась, превратившись в легкую, морозную дымку. Под ногами Ларена была твердая поверхность — не гладкое ничто, как в зале Сердца, а грубый, необработанный камень. Воздух пах сыростью, мокрым мхом и чем-то древним, минеральным. Это был запах земли, запертой глубоко под горами.

Он стоял в узком каменном коридоре. Стены, сложенные из огромных, грубо обтёсанных валунов, были покрыты вековым конденсатом: капли воды медленно набухали на холодном граните и с глухим, ритмичным стуком падали в невидимые лужи на полу. Света не было, но Ларен видел. Его зрение изменилось вместе с его сутью. Он воспринимал мир не глазами, а обострившимся чувством пространства и материи. Он видел текстуру камня, чувствовал его холодную тяжесть и слышал то, что обычный человек никогда бы не различил.

Это был звук камня.

Это был не просто стук капель. Это был глубокий, утробный гул, идущий из самых недр земли. В этом гуле слышались скрипы сдвигающихся тектонических плит, шорох осыпавшегося песка в забытых кавернах и... голоса. Тысячи приглушенных голосов, слившихся в единый хор.

Ларен крепче сжал осколок кристалла, полученный от маятника. Оружие не излучало видимого света, но от него исходило едва уловимое тепло, которое пульсировало в такт его сердцу, придавая уверенности. Он сделал шаг вперед. Эхо от удара его сапога о камень было сухим и коротким, словно коридор поглощал звук, не желая выпускать его наружу.

Коридор казался бесконечным. Он шел вперед, и единственным ориентиром служил этот сводящий с ума шепот камня. Иногда ему казалось, что стены начинают сужаться, пытаясь раздавить его, а иногда — что потолок уходит в бесконечную высь. Башня играла с его восприятием пространства.

Спустя вечность ходьбы (или несколько минут — время здесь текло иначе) коридор вывел его в огромный грот. Ларен замер на пороге, пораженный масштабом открывшегося зрелища.

Пещера была колоссальной. Её свод терялся во мраке так высоко, что казался небом подземного мира. Но самым невероятным было то, что находилось внизу. Пол грота представлял собой гигантское озеро из застывшего обсидиана — идеально гладкое, черное зеркало, в котором ничего не отражалось. Оно было похоже на то самое зеркало из его сна, только увеличенное до размеров небольшого моря.

А в центре этого черного озера возвышался остров. И на этом острове стоял трон.

Это было не изящное кресло из дворцов королей. Это был массивный монолит из цельного куска базальта или гранита, грубо обтёсанный в форме сидящего гиганта с высокой спинкой и подлокотниками. Трон выглядел так, будто сама гора родила его из своей плоти миллионы лет назад.

И на этом троне кто-то сидел.

Фигура была неподвижна и казалась неотъемлемой частью камня. Сначала Ларен принял её за причудливое изваяние — статую древнего правителя или божества подземного мира. Но

когда он сделал несколько шагов по обсидиановой глади (которая оказалась твердой и холодной под ногами), фигура шевельнулась.

Это было едва заметное движение: дрогнули каменные веки на лице без глазниц, или же просто тень сместилась в глубокой трещине на груди исполина.

— Ты прошел через тишину маятника... — Голос раздался не из уст фигуры и даже не со стороны трона. Он исходил отовсюду и ниоткуда одновременно. Он был самым звуком камня — глубоким, раскатистым басом, от которого вибрировали кости и дрожал воздух в легких Ларена. Это был голос самой горы.

Ларен остановился у подножия трона-острова.

— Я ищу ответы, — сказал он вслух, хотя понимал бессмысленность этого жеста. Говорящий с камнем не нуждался в звуках речи.

— Ответы... — эхом отозвался голос. В нем не было насмешки или презрения, лишь бесконечная усталость вечности. — Ответы — это лишь новые вопросы с острыми краями. Ты уже заплатил цену за вход сюда. Ты отдал свой голос для песен о прошлом. Но готов ли ты отдать свой голос для правды о настоящем?

— Я готов услышать всё, что ты скажешь.

Гигантская фигура на троне медленно повернула голову — это был скрежет двух гор, трущихся друг о друга.

— Тогда смотри.

Мир вокруг Ларена снова исказился. Это не было видением из кристалла маятника; это было погружение в саму память камня.

Он увидел мир таким, каким он был до появления людей — кипящим котлом первобытной магии и хаоса. Он увидел рождение первых зеркал — не из стекла и серебра, а из разрывов в ткани реальности, через которые просачивалась энергия иного мира. Он увидел древних существ — не богов и не демонов в привычном понимании, а архитекторов реальности, которые пытались упорядочить этот хаос с помощью Башен Времени.

И он увидел Падение.

Одна из Башен была разрушена изнутри. Не оружием или магией извне, а предательством того, кто был её Хранителем. Узел времени лопнул. Реальность пошла трещинами. Из этих трещин хлынула «Тень» — не просто отсутствие света, а анти-жизнь, сущность чистого отрицания бытия. Она начала пожирать миры.

Видение сменилось другим планом реальности.

Ларен увидел себя со стороны: он стоял на краю деревни Какалова под Дубом Сострадательных Мраков за мгновение до того, как нашел камень со знаком. Он видел свою тень на земле... но рядом с ней была вторая тень — темнее и гуще первой. Она жила своей жизнью, пульсировала и тянулась к корням дуба.

— Тень внутри тебя... — прогудел голос камня. — Она не случайна. Она — осколок той самой Тени из разлома времени. Она спала веками, переходя от носителя к носителю через кровь и память предков. Она ждала своего часа.

Ларен почувствовал холод внутри живота.

— Значит... я заражен? Я ношу в себе эту... заразу?

— Не заражен. Связан. Ты — сосуд для её силы и её якорь в этом мире. Твои сны о зеркалах были её попыткой пробудиться через тебя. Она звала тебя к башне не для того, чтобы ты её спасал... а чтобы ты стал ключом к её освобождению.

Осколок кристалла в руке Ларена вдруг стал невыносимо тяжелым и горячим. Он обжигал ладонь сквозь ткань кармана.

— Нефель... Она знала? Она послала меня сюда?

— Нефель знает лишь то, что позволяет ей знать её природа стража порога. Она видит угрозы извне, но слепа к тому, что гниет изнутри сосуда. Ты пришел сюда по своей воле... или по воле того, что живет в тебе.

Ларен почувствовал панику — ледяную волну ужаса от осознания того факта, что он может быть не спасителем мира, а его палачом.

— Что мне делать? Как мне разорвать эту связь? Как мне изгнать это из себя?

Голос из камня стал тише, превратившись в едва слышный шепот текущей воды глубоко под землей:

— Ты не можешь изгнать то, что является частью твоей сути теперь без того, чтобы не уничтожить самого себя. Пепельный Контракт связал тебя с башней для равновесия сил: твоя человеческая сущность сдерживает Тень внутри тебя силой Башни Полнолуния.

— Но если я уйду... или если башня падет...

— Тень вырвется наружу через тебя прямо в сердце мира.

Ларен поднял голову к гиганту на троне:

— Тогда какой выход? Должен же быть способ!

Тронный исполин медленно поднял свою огромную руку и указал каменным перстом прямо на грудь Ларена.

— Выход есть всегда... но цена его непомерна даже для того, кто уже отдал свой голос и память.

— Говори! Я заплачу любую цену!

Гигант замер на мгновение, словно собирая остатки своей древней воли для последнего откровения.

— Чтобы навсегда запечатать разломы времени и изгнать Тень обратно за грань бытия... нужно принести жертву абсолютной чистоты и абсолютной силы одновременно.

— Что это за жертва?

Голос стал таким тихим, что Ларену пришлось напрячь всё своё новое восприятие до предела:

— Жертва должна быть добровольной... И она должна быть живой плотью от живой плоти создателя разлома... И она должна быть скреплена кровью Хранителя Башни...

Слова повисли в воздухе как приговор.

Ларен похолодел от страшной догадки:

— Создатель разлома... Я? Или тот... другой во мне?

Голос ответил безжалостно:

— Вы едины теперь по воле судьбы и контракта неразрывно связаны до конца времен или до конца одного из вас...

Внезапно обсидиановый пол под ногами Ларена дрогнул. По черной глади озера пробежала мелкая рябь вибрации. Голос гиганта изменился: из усталого мудреца он превратился в рев разгневанной стихии:

— Время твоих вопросов истекло! Башня чувствует приближение Полнолуния! Силы равновесия слабеют! Тень внутри тебя просыпается!

Гигант начал подниматься с трона во весь свой исполинский рост (а он был высотой с крепостную башню). Это было движение горного обвала: скрежет камня о камень заполнил всё пространство грота так оглушительно громко, что у Ларена заложило уши даже сквозь измененное восприятие.

Ларен попятился назад к выходу из пещеры-озера.

— Что происходит?!

Голос гиганта гремел как гром:

— Ты должен сделать выбор здесь и сейчас! Либо ты остаешься здесь со мной навечно! Камень примет тебя! Ты станешь частью горы! Твоя душа будет вечно стеречь этот порог от Тени внутри тебя! Это путь забвения... но путь спасения мира!

Второй вариант был еще страшнее:

— Либо ты выходишь отсюда! Ты возвращаешься в мир! И ты принимаешь свою судьбу как Хранитель-Балансиат! Ты будешь жить с Тенью внутри себя вечно! Каждый день будет битвой! Но только так ты сможешь добраться до истинного Сердца Башни! Только так ты сможешь найти способ совершить ту жертву!

Гигант сделал шаг с трона-острова прямо на поверхность обсидианового озера. Каменные плиты под его весом пошли трещинами.

Ларен понял: медлить нельзя ни секунды больше. Выбор был сделан за него самой логикой событий.

Он развернулся и побежал обратно по обсидиановой глади к выходу из грота. За его спиной раздался оглушительный грохот — гигантский страж тронного зала сошел со своего поста и начал преследование медленной поступью землетрясения.

Коридор встретил его всё той же сыростью и шепотом голосов в камне, но теперь этот шепот звучал иначе — насмешливо и зло.

«Ты бежишь от себя...» — шептали стены голосом той самой Тени из видения.

«Вернись...» — *«Прими нас обоих...»*

«Вместе мы станем сильнее...»

Ларен бежал вперед изо всех сил, осколок кристалла жег руку раскаленным углем. Он чувствовал преследование гиганта всем своим существом: каждый удар каменных ног стража отдавался дрожью во всем теле горы. Бежали минуты или часы? Коридор казался бесконечным лабиринтом без поворотов и развилок — прямой путь к спасению или к гибели?

Наконец он увидел впереди светлое пятно выхода из подземелья — арку перехода обратно во вневременное пространство Башни Полнолуния. Он рванулся к ней со всех ног...

И выскочил наружу как раз в тот момент, когда гигантская рука стража ударила по стене коридора всего в нескольких шагах позади него. Каменная кладка взорвалась градом осколков, но арка перехода уже смыкалась за спиной Ларена вязкой тьмой. Бежав по инерции еще несколько шагов по невидимому полу следующего уровня башни (или того же самого?), он рухнул на колени, совершенно обессиленный физически и морально.

Он был один. Вокруг снова была звенящая пустота Башни. Его дыхание вырывалось изо рта облачками пара (или это была иллюзия?), а сердце колотилось так бешено, что казалось, сейчас проломит грудную клетку.

Он посмотрел на свою ладонь. Клеймо Пепельного Контракта пульсировало болезненным алым светом. Но теперь он знал, что это значит. Это была печать, сдерживающая монстра внутри него.

Он поднял голову. Осколок кристалла маятника лежал рядом, на невидимой поверхности. Он больше не был теплым. Он был ледяным, как сама смерть. И в его глубине Ларен увидел отражение. Не свое лицо. А ту самую вторую тень. Извивающуюся черную массу, которая жила у него внутри.

Он слышал её голос уже не снаружи, а прямо у себя в голове. Голос был липким, сладким, как яд змеи, соблазняющей птицу:

«Ты слышал правду, Хранитель? Мы едины. Я даю тебе силу, которую ты никогда бы не получил сам. Я могу показать тебе, как закрыть разломы без глупых жертв. Как стать истинным богом этого мира. Просто отпусти контроль. Простопусти меня...»

Ларен зажмурился. Боль была невыносимой. Его тело сотрясала крупная дрожь. Он чувствовал, как Тень пытается пробить барьер контракта, пытается просочиться наружу через поры кожи.

Собрав остатки воли, он заставил себя встать. Он должен идти дальше. Должен найти то самое Сердце Башни, о котором говорила Нефель. Должен найти способ совершить жертву, о которой говорил голос из камня.

Он поднял осколок кристалла. Тот снова потеплел, принимая его решимость. Затем он сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он размахнулся и со всей силы вонзил острый край кристалла себе в предплечье, над клеймом контракта.

Боль была ослепительной. Чистой. Настоящей. Кристалл вошел в плоть легко, разрезая кожу. Кровь хлынула — тёмная, густая. Она падала тяжёлыми каплями на невидимый пол Башни.

Кровь Хранителя, скрепленная силой артефакта маятника.

Кровь застыла в воздухе, не долетев до поверхности. Она начала светиться тусклым серым светом, формируя сложный узор, похожий на тот, что был на камешке под дубом. Тот самый символ ключа.

Узор повисел мгновение, а затем впитался обратно в рану. Клеймо контракта вспыхнуло ослепительным белым светом, выжигая последние остатки сомнений. Боль отступила, сменившись странным чувством лёгкости, словно он только что отрезал кусок гниющей плоти.

Тень внутри него взвыла от ярости. Боль, которую причинил ей этот акт очищения, была мучительной для них обоих. Но барьер стал крепче.

Ларен перевел дыхание. Рана на руке уже затягивалась, оставляя лишь тонкий светящийся шрам, который пульсировал в такт с меткой контракта. Теперь он знал цену каждого шага. Впереди его ждал последний уровень башни — Истинное Сердце. И там ему предстояло сделать выбор, который определит судьбу всего сущего.

Он выпрямился. Кровь на руке высохла, оставив лишь металлический запах. Вокруг него тьма Башни начала сгущаться, формируя новый проход, ведущий вверх... Или вниз? Он шагнул туда, готовый ко всему, что приготовила ему судьба. Потому что теперь он знал, кто он такой.

Он был Хранителем Баланса. Человеком, несущим в себе частицу первородного хаоса. И только от него зависело, станет ли эта частица спасением мира или его концом.

Голос из камня умолк навсегда, оставив после себя лишь эхо древней мудрости. Но урок, который он преподавал, был усвоен Лареном сполна. Впереди ждала тишина последнего испытания. И эта тишина обещала быть самой громкой из всех, что ему доводилось слышать.

Глава 6. Путь к зеркалам ночи.

Новый коридор, открывшийся перед Лареном, не был ни каменным, ни стеклянным. Это был тоннель из живого, пульсирующего тумана. Он был густым, как парное молоко, и в то же время абсолютно прозрачным, позволяя видеть лишь на пару шагов вперед. Воздух здесь был тяжелым, перенасыщенным влагой и странным, сладковатым ароматом, напоминающим запах увядших ночных цветов и озона после грозы. Каждый вдох давался с трудом, словно легкие пытались усвоить не кислород, а саму суть этого места.

Ларен шел вперед, и его шаги не производили ни звука. Туман поглощал все вибрации, создавая вокруг него непроницаемый кокон тишины. Осколок кристалла на его ладони больше не светился и не обжигал. Он стал холодным и тяжелым, словно кусок льда, вмороженный в его плоть. Клеймо контракта на другой руке пульсировало в такт с чем-то далеким, отзываясь тупой, ноющей болью.

Внезапно туман перед ним начал сгущаться, формируя плотную стену. Это не было препятствием в физическом смысле — он мог бы пройти сквозь неё, — но что-то внутри него кричало об опасности. Стена казалась непроницаемой завесой между мирами. Ларен остановился в шаге от неё.

— Ты прошел через камень и тишину маятника, — раздался знакомый голос Нефель. Он звучал не снаружи, а внутри его головы, но на этот раз в нем не было привычной мягкости. В нем слышалась сталь и тревога. — Но то, что ждет за этой гранью, куда опаснее. Это Порог Отражений. Место, где реальность истончается до предела.

— Я должен пройти? — мысленно спросил Ларен. Его собственный внутренний голос казался ему чужим, хриплым и надломленным.

— У тебя нет выбора. Башня ведет тебя к своему истинному Сердцу. Но помни: зеркала лгут. Они показывают не то, что есть, а то, что ты хочешь увидеть или чего боишься больше всего на свете. Не верь своим глазам. Верь только тому холоду внутри тебя, который ты принес из подземелья.

Туманная стена перед ним пошла рябью, как поверхность пруда от брошенного камня. В ней начали проступать очертания — сначала размытые, затем всё более четкие. Ларен увидел деревню Какалову.

Это была его деревня. Он узнавал покосившиеся заборы, кривую улочку у колодца, старый амбар на окраине. Но всё это было покрыто слоем серого пепла, сквозь который пробивались странные, фосфоресцирующие грибы. Небо над деревней было багрово-черным, словно затянутое запекшейся кровью. И самое страшное — деревня была абсолютно пуста и безмолвна.

Изображение дрогнуло и сменилось другим. Теперь он видел себя самого, сидящего на крыльце знакомого дома (чей это был дом? он не мог вспомнить). Он сидел в той же одежде, что и сейчас, но его лицо... Его лицо было лицом старика. Глубокие морщины избороздили кожу, глаза были пустыми и выцветшими.

— Ты видишь свой конец? — прошептал голос из тумана. Это был не Нефель. Этот голос был насмешливым, бархатистым и до боли знакомым.

— Кто ты? — Ларен сделал шаг назад.

— Я — это ты. Твоя усталость. Твое поражение. Посмотри вокруг. Ты потратил жизнь на бессмысленный бег по кругу. Ты отдал всё: голос, память, друзей... ради чего? Ради иллюзии спасения? Мир обречен, Ларен. Башня просто играет с тобой, как кот с мышью. Сдайся. Остановись здесь. Посиди на крыльце и просто состарься в тишине.

Ларен сжал кулаки так, что ногти впились в ладонь. Боль была реальной. Она отрезвляла.

— Это ложь, — прохрипел он вслух.

Туманная завеса пошла волнами от беззвучного смеха.

— Правда? А где твои воспоминания? Кто ты без них? Ты даже не помнишь лица своей матери! Ты — пустая оболочка с чужим проклятием внутри!

Ларен закрыл глаза. Он вспомнил слова гиганта из камня: «Ты будешь жить с Тенью внутри себя вечно». Он вспомнил боль от прикосновения осколка к своей плоти. Это было по-настоящему.

— Я помню свою боль, — сказал он тихо. — Я помню свой выбор.

Он открыл глаза и шагнул прямо в туманную стену.

Ощущение было такое, будто он нырнул в ледяную прорубь после парной бани. Холод пронзил каждую клетку его тела, парализуя дыхание и мысли. На мгновение он ослеп и оглох, потеряв всякую ориентацию в пространстве. А затем всё прекратилось.

Он стоял на твердой поверхности. Тумана больше не было.

Ларен оказался в огромном зале с зеркальными стенами. Это было похоже на бесконечный лабиринт отражений: куда бы он ни посмотрел, он видел тысячи своих копий, уходящих в бесконечность во всех направлениях: вверх по стенам, вниз под пол (который тоже был зеркальным), по потолку-куполу над головой.

Но эти отражения не были статичными.

В одном зеркале он видел себя могучим воином в сияющих доспехах, ведущим за собой армию света против наступающей тьмы. В другом — чудовищем с его лицом и горящими алым глазами Тени внутри него, пожирающим миры одно за другим. В третьем он был простым крестьянином, который никогда не покидал Какалову, жил тихой жизнью и умер от старости в окружении детей и внуков.

Зеркала жили своей жизнью. Они менялись ежесекундно, показывая ему тысячи вариантов его судьбы — от божественного величия до полного ничтожества.

— Добро пожаловать в Зеркальный Сад Ночи, — прошепел голос Нефель прямо за его спиной.

Ларен резко обернулся. Она стояла там же, где и всегда — на границе реальности и тени её собственного силуэта размывался в воздухе.

— Что это за место? — спросил он.

— Это архив нереализованных возможностей. Каждый раз, когда человек делает выбор, одна реальность отсекается от основного потока времени и попадает сюда. Здесь хранятся все пути, которыми ты не пошел. Все ошибки, которые не совершил. Все победы, которые не одержал.

— И как мне найти выход? Здесь тысячи дверей...

Нефель покачала головой:

— Здесь нет дверей. Есть только одно истинное зеркало. Оно не отражает тебя или твои страхи. Оно отражает Башню Полнолуния такой, какая она есть на самом деле — её истинное Сердце. Тебе нужно найти его среди тысяч ложных отражений.

— Но как? Они все выглядят одинаково!

Нефель приблизилась к нему вплотную. Её глаза светились холодным светом далеких звезд.

— Помнишь боль? Помнишь холод камня? Истинное зеркало будет резать глаза правдой так же сильно, как осколок маятника резал твою плоть. Оно не будет льстить тебе или пугать тебя картинками будущего или прошлого. Оно покажет тебе настоящее без прикрас — голую суть вещей. Ищи то зеркало, которое причинит тебе боль своим видом.

Она отступила на шаг назад:

— У меня нет власти здесь. Я могу лишь указать путь к порогу входа в следующий зал Башни — Залу Истинного Сердца. Но пройти через врата сможешь только ты сам... или то существо, что живет внутри тебя.

С этими словами её фигура начала таять в воздухе, пока не превратилась в легкую дымку и не исчезла совсем.

Ларен остался один посреди бесконечного лабиринта иллюзий.

Он медленно повернулся вокруг своей оси, осматривая ряды зеркал справа и слева от него. Как найти одно-единственное истинное отражение среди миллионов лживых? Задача казалась невыполнимой.

Он сделал шаг к ближайшему зеркалу слева от себя — тому самому, где он был великим королем-воином. В отражении его доспехи сияли ярче солнца, а за спиной развевался стяг с символом Башни (две линии и дуга). Картина была величественной и вдохновляющей.

Ларен протянул руку и коснулся гладкой поверхности стекла (или того, что казалось стеклом). Оно было теплым на ощупь и слегка вибрировало под пальцами, словно живое существо.

«Это легко», — прошептал голос Тени внутри него с соблазнительной мягкостью. «Прими этот путь. Стань тем, кем ты всегда мечтал быть — героем-спасителем без страха и упрёка».

Ларен отдернул руку так резко, будто обжегся об угли. Тепло зеркала было ложным утешением, сладким ядом для его измученной души.

«Нет», — подумал он про себя с холодной яростью к этому внутреннему голосу. «Это слишком просто».

Он пошел дальше по проходу между зеркалами, стараясь не смотреть на их поверхности слишком долго, чтобы не попасть под их чары. Слева мелькали картины богатства и власти: вот он сидит на золотом троне у ног Нефель; вот он владеет магией стихий; вот он окружен толпами восхищенных женщин...

Справа же царил ужас: вот его тело разлагается заживо; вот он убивает своих близких; вот весь мир превращается в пепелище по его вине...

Он шел вперед часами или минутами (время здесь текло вспять), пока не понял одну простую вещь: искать нужно не глазами! Глаза здесь бесполезны — они видят лишь то, что им показывают зеркала-иллюзии... Нужно искать другим чувством!

Он остановился посреди прохода и закрыл глаза, полностью погрузившись во тьму собственного зрения, отсекая визуальный шум. Он сосредоточился на своих ощущениях.

Первое, что он почувствовал, — это гул Башни. Тот самый низкий, вибрирующий звук, который шёл от маятника, но здесь он был тише, глуше, словно биение сердца спящего гиганта.

Второе — это пульсация клейма контракта на его руке. Оно отзывалось болью, но эта боль была ровной, постоянной. Она служила ему якорем, напоминанием о том, кто он есть.

И третье... Третье ощущение заставило его нахмуриться. Он почувствовал холод. Не тот пронизывающий холод тумана, а другой. Локализованный источник ледяного сквозняка, исходящий откуда-то спереди.

Ларен открыл глаза. Он стоял перед огромным вертикальным зеркалом, которое отличалось от всех остальных. Его рама была не золотой или серебряной, а сделанной из чёрного обсидиана — того самого, из которого состояла дверь в зал Сердца Тишины. Поверхность зеркала была мутной, покрытой сетью мелких трещин, как старый лёд на весеннем пруду.

В отличие от других зеркал, это не показывало ему никаких картин будущего или прошлого. Поверхность была чёрной как смоль, непроницаемой для взгляда.

Но именно от него исходил тот самый пронизывающий холод, который он почувствовал с закрытыми глазами. Холод истины.

Не раздумывая больше ни секунды, Ларен шагнул прямо к нему. Он знал — это оно.

Когда до зеркала оставалось всего полшага, поверхность чёрного льда дрогнула. Она пошла мелкой рябью, а затем начала медленно проясняться, словно кто-то протирал запотевшее стекло изнутри.

Сначала Ларен увидел лишь размытые очертания. Затем картинка сфокусировалась.

И он увидел Башню Полнолуния.

Но это была не та величественная конструкция, которую он видел снаружи. Это было её нутро. Её истинная анатомия. Он увидел гигантский кристалл маятника, но теперь он видел, как тот соединён тысячами тончайших нитей энергии с другими узлами Башни. Он увидел потоки времени, текущие сквозь стены, как реки сквозь горные ущелья. Он увидел саму Тень — ту самую сущность, которую нёс внутри себя. Она была огромной, бесформенной массой чернильной тьмы, которая пыталась просочиться сквозь эти энергетические каналы, извиваясь как гигантский червь.

Это зрелище было невыносимым. Оно било по глазам физической болью. Зрение Ларена начало затуманиваться, из глаз потекли слёзы, но это были слёзы не горя, а боли от столкновения с абсолютной реальностью. Зеркало показывало ему истину без прикрас, механику мироздания, которую человеческий разум не был способен вынести целиком.

«Смотри! — требовало зеркало. — Смотри на суть!»

Ларен упал на колени перед зеркалом. Он больше не мог стоять. Боль была слишком велика. Но он заставил себя смотреть. Он смотрел на то, как Тень внутри него пытается найти лазейку, как она бьётся о барьер контракта. Он смотрел на хрупкость этого баланса.

И тут произошло нечто неожиданное. Зеркало перестало показывать Башню. Вместо этого оно показало ему самого Ларена. Но это был не один из тысяч вариантов будущего. Это был он настоящий. Бледный, измождённый человек, стоящий на коленях перед истиной. И в его глазах отражалась вся тяжесть мира, которую он взвалил на свои плечи.

В этом отражении не было ни героизма, ни злодейства. Только бесконечная усталость человека, который знает свой долг.

И вдруг Ларен понял. Истинное зеркало показало ему не Башню. Оно показало ему самого себя. Без масок. Без иллюзий. Показало цену, которую придётся заплатить. И эта цена была не смерть или забвение. Цена была — вечное одиночество Хранителя Баланса.

Это осознание принесло странное облегчение. Боль отступила, оставив после себя звенящую пустоту.

Зеркало из чёрного льда снова пошло рябью, а затем начало таять. Оно превращалось в воду, которая стекала по обсидиановой раме, образуя на полу небольшую лужу. В том месте, где только что было зеркало, воздух начал сгущаться, формируя новую арку перехода. Арка светилась мертвенно-бледным лунным светом, который казался почти чёрным.

Путь был открыт.

Ларен тяжело поднялся с колен. Его ноги дрожали от усталости. Клеймо на руке горело огнём. Осколок кристалла маятника казался куском свинца. Но он сделал шаг вперёд. Шаг к последней двери. К последнему испытанию. К Истинному Сердцу Башни Полнолуния.

Арка поглотила его, окутав чернильной тьмой, которая пахла озоном, лунным светом и неизбежностью финала. Впереди ждала тишина столь глубокая, что она могла бы поглотить целую вселенную. И Ларен шёл ей навстречу, готовый заплатить любую цену за то, чтобы мир продолжал существовать — даже если об этом никто никогда не узнает.

Глава 7. Хранители врат.

Тьма арки выплюнула его в пространство, лишенное не только света, но и воздуха. Ларен рухнул на колени, хватая ртом пустоту. Легкие горели огнем, требуя кислорода, которого не было. Мир вокруг превратился в абсолютный, первозданный вакуум. Здесь не существовало ни верха, ни низа, ни звука, ни времени. Это была бездна между реальностями.

Он чувствовал, как Тень внутри него зашевелилась, жадно потянувшись к этой пустоте. Для неё это место было домом, родной стихией. Она шептала ему, что здесь нет боли, нет борьбы, нет необходимости быть Хранителем. Здесь можно просто раствориться, стать частью великого Ничто.

Но Ларен не поддался. Он прижал ладонь к груди, туда, где билось сердце, и надавил на клеймо контракта. Метка отозвалась резкой, обжигающей болью, словно раскаленное железо. Эта боль была якорем. Она напомнила ему о долге, о жертве, о мире за пределами этой пустоты. Внезапно давление на его тело исчезло. Воздух — густой, тяжелый, пахнущий озоном и расплавленным металлом — хлынул в легкие. Ларен закашлялся, жадно втягивая его. Он стоял на чем-то твердом и холодном. Подняв голову, он огляделся.

Он находился на вершине колоссальной винтовой лестницы. Она уходила вниз в бесконечность, теряясь в клубках багрового тумана, и вверх — к куполу из черного хрусталя, сквозь который просвечивали не звезды, а пульсирующие жилы чистой энергии. Стены вокруг были сложены из того же черного обсидиана, что и рама зеркала в предыдущем зале, но здесь камень не был мертвым. Он жил: по его поверхности медленно ползли светящиеся трещины, складываясь в постоянно меняющиеся узоры и руны.

А перед ним стояли они.

Их было двое.

Слева возвышалась фигура, сотканная из чистого света и застывшего времени. Это был мужчина (или существо, принявшее его облик), чье тело казалось высеченным из белого мрамора с прожилками жидкого золота. Его глаза были двумя сгустками ослепительного сияния, в которых кружились спирали галактик. Он был облачен в доспехи из полированного серебра, которые не отражали свет, а сами испускали мягкое, ровное свечение. В руках он держал копье из цельного кристалла, от которого исходила аура абсолютного порядка.

Справа от него стояла его полная противоположность. Женщина (или то, что казалось женщиной) была воплощением первородного хаоса и ночи. Её фигура была соткана из клубящейся тьмы и пепла, сквозь которые то и дело проскальзывали языки черного пламени. У неё не было лица в привычном понимании — лишь овал абсолютной черноты с двумя горящими углями вместо глаз. Её волосы развевались в несуществующем ветру, будучи потоком чистой тени. Вместо одежды её тело окутывали лохмотья живой мглы.

Это были Хранители Врат. — Мы ждали тебя, Странник, — прогремел голос существа Света. Он не звучал в ушах Ларена, а возникал прямо в его сознании, чистый и звонкий, как удар колокола в морозном воздухе. — Ты прошел через Камень и Тишину. Ты отверг иллюзии Отражений.

— Но ты всё еще несешь в себе порчу, — прошипел голос Тьмы. Он был похож на шорох песка в пустой могиле и скрежет когтей по стеклу. — Мы чуем её смрад. Она оскверняет саму суть Башни.

Ларен медленно поднялся на ноги, чувствуя себя крошечным и ничтожным между этими двумя космическими сущностями. — Я... я знаю о ней, — произнес он вслух, и его голос прозвучал хрипло и слабо. — Я пришел сюда не для того, чтобы выпустить её. — Слова — лишь пыль на ветру времени, — пророкотал Светлый Хранитель, делая шаг вперед. Пол под

его ногами покрылся инеем от его ауры. — Мы должны проверить твою суть. Если Тень внутри тебя сильнее твоей воли, ты станешь ключом к её освобождению.

— А если нет? — спросил Ларен, сжимая кулаки.

— Тогда ты пройдешь к Истинному Сердцу, чтобы исполнить свое предназначение, — прошелестела Тьма, делая шаг ему навстречу. От её движения по обсидиановым стенам поползли новые трещины.

— Испытание будет простым и сложным одновременно, — сказал Светлый Хранитель одновременно с ней.

— Ты должен пройти между нами к лестнице, — закончила Тьма. Ларен посмотрел на узкий проход между двумя гигантами. Расстояние казалось небольшим — всего пять-шесть шагов. Но воздух между ними искривлялся и дрожал от столкновения их противоположных сил: палящего жара абсолютного порядка и леденящего холода чистого хаоса.

— Что будет, если я не пройду? — спросил Ларен.

— Ты умрешь тысячью смертей, — ответил Светлый Хранитель безэмоционально. — Ты будешь вечно гореть во льду или замерзать в огне, — добавила Тьма с хищной усмешкой в голосе.

Ларен сглотнул ком в горле. У него не было выбора. Он должен был идти вперед. Он сделал первый шаг на дрожащих ногах. В тот же миг мир взорвался болью.

С одной стороны на него обрушилась волна невыносимого жара и ослепительного света. Это был не просто жар огня — это был жар творения и разрушения одновременно. Кожа на его лице начала стягиваться и трескаться от сухости. Глаза обожгло так сильно, что он ослеп от белого сияния. В сознании вспыхнули образы: он видел рождение звезд из ничего и их гибель в черных дырах. Этот свет пытался выжечь из него всё человеческое: сострадание, сомнения, любовь... превратить его в идеальный механизм без чувств и воли.

С другой стороны накатил волна абсолютного холода и поглощающей тьмы. Это был холод межзвездного вакуума и могильный холод забвения. Он проникал сквозь кожу прямо в кости, вымораживая кровь в венах до состояния ледяной крошки. Вместе с холодом пришла паника — первобытный ужас перед пустотой и небытием. Тьма шептала ему: «Сдайся. Растворись во мне. Здесь нет боли Башни».

Ларен застыл посередине прохода, разрываемый на части двумя вселенскими силами. Он чувствовал, как Тень внутри него радостно откликается на зов Хаоса, пытаясь вырваться наружу через поры кожи. «Нет!» — мысленно закричал он сам себе. Он вспомнил реку забвения, где отдал свою тень. Он вспомнил гиганта из камня и его слова о жертве «живой плоти от живой плоти». Он вспомнил боль от осколка маятника на своей руке.

И он вспомнил пустую деревню Какалову под серым пеплом из видения в тумане. Это придало ему сил. Собрав всю волю в кулак, Ларен сделал еще один шаг вперед. Боль стала невыносимой. Ему казалось, что его тело одновременно плавится как воск и рассыпается в ледяную пыль. Клеймо контракта на руке вспыхнуло так ярко, что прожгло рукав рубахи, оставив на коже светящийся шрам в виде символа ключа.

Тьма внутри него взывала от ярости и боли столкновения с барьером контракта и враждебной ей силой Света Хранителя.

Ларен пошатнулся и упал на одно колено. «Я не могу... Я не выдержу...»

В этот момент он услышал голос Нефеля из его памяти: «Верь только тому холоду внутри тебя». Холод... Не тот леденящий ужас Хаоса, а тот чистый, ясный холод решимости, который он ощутил перед истинным зеркалом. Холод знания своей цели.

Ларен открыл глаза (хотя всё еще ничего не видел из-за ослепляющего света). Он больше не пытался бороться с силами Хранителей напрямую — это было бесполезно для смертного существа. Вместо этого он начал двигаться *сквозь* них. Он представил себя не человеком из плоти и крови, а чистой волей — сгустком намерения, заключенным в телесную оболочку. Он

перестал воспринимать боль как нечто внешнее, атакующее его тело, а принял её как часть пути.

Третий шаг дался легче предыдущих двух, потому что он перестал бороться с волнами жара и холода; он позволил им омыwać себя, оставаясь неподвижным центром этого шторма. Четвертый шаг был шагом отречения от страха смерти. Пятый шаг был шагом принятия своей судьбы Хранителя-Балансиата.

Он пересек черту и оказался у подножия винтовой лестницы.

Боль мгновенно отступила, сменившись звенящей тишиной и слабостью во всем теле. Ларен рухнул на ступени из черного обсидиана, тяжело дыша. Его одежда была местами обуглена до дыр, а местами покрыта коркой льда, который тут же начал таять от тепла его тела.

Над ним возвышались Хранители Врат. Они не двигались со своих мест у входа в зал Сердца Башни (ибо лестница вела именно туда), но их внимание было приковано к нему полностью.

— Он прошел испытание волей, — констатировал Светлый Хранитель с нотками удивления в своем бездонном голосе. — Да... Воля этого смертного тверже базальта древних гор, — прошипела Тьма с уважением, которого Ларен никак не ожидал услышать от неё. — И его контракт крепок как никогда. Тень внутри него затихла... но она лишь выжидает своего часа во тьме его души.

Ларен с трудом поднял голову: — Я... я могу идти дальше? Хранители синхронно отступили в стороны от входа на лестницу, открывая ему путь к Истинному Сердцу Башни Полнолуния. — Иди, Странник Ларен, Хранитель Баланса, — прогремел Светлый Хранитель. — Истинное Сердце ждет тебя там, внизу (или наверху). Там ты найдешь ответы на все вопросы... или же станешь последним вопросом бытия перед концом всего сущего. Не говоря больше ни слова, они растворились в воздухе: Светлый Хранитель превратился в ослепительную вспышку чистого белого света, а Тёмная Стража впиталась обратно в обсидиановые стены башни как чернила в промокательную бумагу.

Ларен остался один перед началом пути к финалу своего испытания. Он с трудом встал на ноги. Каждый мускул его тела протестовал против движения после пережитого шока сил Хранителей. Клеймо на руке пульсировало ровным светом, словно метроном отсчитывающий последние мгновения до решающего удара колокола полнолуния.

Он посмотрел вверх по лестнице (или вниз). Купол над головой казался недостижимым расстоянием миллионов световых лет или всего лишь парой витков спирали? Это уже не имело значения.

Вздохнув полной грудью тяжелый воздух Башни, Ларен поставил ногу на первую ступеньку винтовой лестницы к Истинному Сердцу мира.

Его путь был почти завершен. Оставалось сделать последний шаг в бездну или к спасению — выбор за ним или за той силой, что жила внутри него с самого начала этого пути по тропам тишины и пепла.

Глава 8. Песнь резонанса.

Винтовая лестница не имела ни начала, ни конца. Каждый шаг, который делал Ларен, не приближал его к вершине и не уводил вглубь. Он словно шел по ленте Мёбиуса, где внешняя сторона становилась внутренней, а верх — низом. Пространство вокруг него текло, как расплавленный воск. Стены башни, казалось, дышали, то сужаясь до тесного каменного мешка, то расширяясь до размеров целой вселенной. Но самым странным было не это. С каждым шагом лестница пела.

Это была не музыка в привычном понимании. Это был резонанс — глубокая, вибрирующая нота, которая рождалась не в воздухе, а в самой материи реальности. Она исходила от клейма на его ладони, от осколка кристалла в кармане, от самого камня ступеней под его ногами. Башня Полнолуния пела свою древнюю песнь, и Ларен, как её новый Хранитель, был вынужден её слушать.

Звук был низким, почти инфразвуковым. Он отдавался в костях, заставляя зубы ныть, а внутренности сжиматься в тугий узел. Но сквозь этот низкий гул пробивались другие, более тонкие обертоны. Ларен слышал шёпот миллиардов голосов, слившихся в единый хор. Это были голоса всех тех, кто когда-либо жил и умер в этом мире. Башня была не просто механизмом — она была памятью.

«...и тогда море вышло из берегов...» «...я клянусь тебе в верности до последней капли крови...» «...почему небо сегодня такое красное?...» «...я люблю тебя...»

Голоса сплетались в невыносимую какофонию прошлого. Ларен шел, зажав уши руками, но это не помогало. Звук шел изнутри. Он чувствовал, как его собственная личность начинает размываться под этим напором. Чужие воспоминания, чужие эмоции и чужая боль пытались затопить его сознание, растворить его «я» в бесконечном океане времени.

Он споткнулся и упал на колени. Лестница под ним исчезла, превратившись в бесконечную равнину из черного стекла. В небе над головой висели три луны: одна серебряная, одна багровая и одна — абсолютно черная, поглощающая свет. — Хватит! — закричал он в пустоту. Его собственный голос прозвучал глухо и безжизненно.

И вдруг песнь изменилась. Какофония голосов не исчезла, но она отступила на задний план, уступая место чему-то другому. Из глубины черного неба полилась мелодия. Она была чистой, хрустальной и невыносимо прекрасной. Это была Песнь Резонанса — истинный голос Башни. Ларен поднял голову. Источник звука находился прямо перед ним. В центре стеклянной равнины стояла женщина. Она была соткана из чистого лунного света и тумана. Её фигура была полупрозрачной, эфемерной. — Нефель? — прошептал Ларен.

Фигура повернулась к нему. У неё не было лица Нефель — это было лицо древней богини или самой вечности. — Я — Эхо Начала, — произнесла она голосом, который был одновременно и звуком арфы, и шумом прибоя. — Я — первая нота Песни Башни. Она протянула руку ладонью вверх. Над её ладонью парил крошечный стусток света — пульсирующая точка чистой энергии. — Это Исток, — сказала Эхо Начала. — Сердце всего сущего. То, что ты ищешь внизу (или наверху). Но чтобы дойти до него, ты должен понять природу резонанса.

— Я... я не понимаю... — Ларен с трудом поднялся на ноги. Его тело казалось чужим и тяжелым. Эхо Начала улыбнулась, и от её улыбки по черной глади равнины побежали трещины света. — Башня — это не просто строение из камня и магии. Это музыкальный инструмент колоссальных масштабов. Маятник — это её струна. Узлы времени — это лады. А ты... ты теперь её резонатор.

Она сделала плавный жест рукой, и пространство вокруг них изменилось. Они снова оказались на винтовой лестнице, но теперь Ларен видел то, что было скрыто от глаз раньше. Он видел потоки энергии — тонкие нити света и тьмы, пронизывающие стены башни подобно

кровеносным сосудам. Он видел «узлы» — места, где эти нити сплетались в тугие клубки чистого хаоса или абсолютного порядка.

— Тень внутри тебя — это диссонанс, — продолжила Эхо Начала, её голос теперь звучал отовсюду и ниоткуда одновременно. — Она пытается разрушить гармонию Башни своим фальшивым звуком. Твоя задача как Хранителя — не уничтожить её силой оружия или магии. Она указала на осколок кристалла в руке Ларена. — Оружие здесь бесполезно против того, что является частью тебя самого по воле судьбы. Твоя задача — настроить себя как идеальный камертон. Ты должен найти такую частоту резонанса своей души, которая создаст с Тенью стоячую волну взаимного уничтожения или... слияния.

Ларен почувствовал холодок внутри. — Слияния? Ты хочешь сказать... я должен стать с ней единым целым?

Эхо Начала кивнула. — Чтобы закрыть разломы навсегда, нужно заткнуть их пробкой из той же материи, из которой они состоят. Ты должен впустить Тень в себя полностью, стать её сосудом до краев... а затем схлопнуть этот сосуд силой Истинного Сердца Башни. Ты станешь якорем для её силы и точкой её аннигиляции. — Но я погибну! — воскликнул Ларен.

Эхо Начала подошла ближе. Её свет был мягким и теплым. — Ты уже мертв для мира живых с того момента, как коснулся камня под Дубом Сострадательных Мраков. Ты отдал свой голос для песен о прошлом. Ты отдал свою память ради будущего. Ты отдал свою тень реке забвения. Что у тебя осталось?

Ларен опустил голову и посмотрел на свои руки: на клеймо контракта на одной ладони и на шрам от осколка маятника на другой. — У меня осталась воля... — тихо сказал он. — Именно! Воля — это самый чистый звук во вселенной! — голос Эхо стал громче, он резонировал с самой сутью Ларена. — Воля человека способна заставить петь даже мертвый камень! Теперь ты должен научиться управлять этой песней!

Внезапно лестница содрогнулась. По стенам башни прошла волна вибрации такой силы, что Ларена отбросило к перилам. Эхо Начала начала таять. — Время пришло! Полнолуние достигло своего пика! Истинное Сердце ждет тебя! Но помни: там тебя ждет не только оно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.